

Надо ли ворошить прошлое?

«Скандалы прошлых лет» — в прошлом году эта рубрика появилась на страницах «Вечернего клуба». Суть ее очень проста. Мы перепечатываем и комментируем те газетные публикации прошлых лет, о которых когда-то много говорили, которые вырезали, «давали почитать» знакомым и т. п. Словом, те публикации, которые принято называть скандальными.

Надо ли вспоминать сегодня эти «скандалы»? Думается, надо. Ведь, возвращаясь к ним, мы имеем возможность проверить временные факты, события, суждения, людей... Да и самих себя, в конце концов.

...Статью И. Лисочкина «Цена шумного успеха» я прочитал 5 де-

кабря 1961 года на лекции по исторической грамматике. Преподаватель чего-то там говорил о полногласии и неполногласии, сзади играли в «морской бой», а я читал в «Комсомолке» о Булате Окуджаве. В то время о самом поэте мы почти ничего не знали, хотя ни одно студенческое застолье уже не обходилось без «Последнего троллейбуса», «Леньки Королева», «Вы слышите — грохочут сапоги» и других его песен, которые неожиданно, стремительно и, как оказалось, надолго ворвались в нашу жизнь. Замечу, что магнитофоны в ту пору были еще редкостью, и песни Окуджавы (в отличие от последовавшего за ним Высоцкого) передавались, как правило, изустно — от одной компании к другой, из одной

комнаты в студенческом общежитии — в другую и т. д.

В те времена «Комсомолке» при- выкли верить. Наверное, потому, что и к комсомолу относились иначе (сейчас это может показаться смешным, но, когда мою сокурсницу исключали из комсомола, она плакала). Тем не менее статьи И. Лисочкина никто, ни один человек на нашем курсе, не поверил. Осталось впечатление грязи и несправедливости. И я очень рад, что спустя 32 года «Вечерний клуб» может устранить эту несправедливость. Хотя самому Булату Шалвовичу такая запоздалая защита, конечно, уже не требуется.

Несколько слов еще об одной публикации на сегодняшней полосе — о журналистских «мемуарах»

старейшего газетчика Юлия Фалатова. В них тоже идет речь о «шумном успехе», и то, о чем он пишет, можно тоже отнести к скандалам прошлых лет. Но это были скандалы особого рода — широкий читатель о них, как правило, ничего не знал, а в редакциях газет подобные «шумные успехи» старались побыстрее забыть.

И последнее. «ВК» обращается к своим читателям. О каких «скандалах прошлых лет» вы хотели бы вспомнить на страницах «Вечернего клуба»? Какие «сюжеты» прошедшего времени достойны предстать перед судом времени? Напишите нам. Или позвоните. Заранее благодарны вам за внимание к нашей газете.

Николай МИХАЙЛОВ, ведущий рубрики.

Что писали о Булате Окуджаве 32 года назад. Что пишут сейчас. Точка зрения поэта

Вет. клуб. - 1993. - 30 янв. - с. 4

О цене "шумного успеха"

Эхо первого выступления

— Пропуска действитель- ные только с предъявлением служебного удостоверения, — строго сказал директор Дворца искусств имени К. С. Станиславского.

Гм... Такого еще не бывало. Приезжали в наш город великие певцы, артисты, люди широкой популярности, шумной славы. Чтобы увидеть их, не требовалось предъявлять служебное удостоверение. А тут... Тут не захочешь, да пойдешь.

И мы пошли, судьбы своей не чая, не подозревая того, что налицо окажется все компоненты «литскандала». Двери дворца были в этот день уже, чем ворота рая. Здесь рвали пуговицы, мяли ребра и метался чай- то задавленный крик: «Ой, мамочка!». Поскольку по непонятной причине пропусков оказалось по крайней мере в три раза больше, чем мест в зрительном зале, и большое число желающих так и не смогло проникнуть внутрь дворца, есть смысл рассказать о том, что происходило дальше за его закрытыми дверями.

На сцену вышел ведущий и не без изящества произнес:

— После того, как вы выдержали все, что вы выдержали, вы выдержите и мое короткое выступление. Булат Окуджава уже выступал в нашем дворце в прошлом году и тоже имел тогда шумный успех...

Булат Окуджава — московский поэт. Не Александр Твардовский, не Александр Прокофьев, не Евгений Евтушенко — просто один из представителей той большой поэтической обоймы, чьи стихи еще не лечат девушек, отправляясь на первое свидание. Так для чего же пуговицы обрывать?

Ведущий деликатно обошел этот вопрос. Он рассказал рядовую биографию человека рождения 1924 года, отметив, что «каждая ее веха нашла отражение в творчестве». Он сказал также, что Окуджава не певец и не композитор и что пение для него — своеобразная манера исполнения собственных стихов.

Начало, как видите, не было многообещающим. А потом — на сцену вышел сам поэт — довольно молодой темноволосый человек с блестящими глазами. Он прочел первое стихотворение «Не разоряйте гнезда голубки...». В зале воцарилась неловкая тишина. Прочел «Стихи о Родине». Опять тишина. «Двадцатый век, ты странный человек...» — тишина снова. После «Осени в Кахети» один из слушателей, не выдержав, хлопнул в ладоши, и поэт застенчиво сказал:

— Не надо... Пятое стихотворение «Воспоминание о войне» понравилось. Похлопали. Так и пошло. Тому, что нравилось, хлопали, тому, что не нравилось, нет. «Шумного успеха» не было. Было ощущение большой неловкости и, если хотите, стыдности того, что происходило и происходит. В зале сидели мастера искусства, люди, великолепно знающие настоящую поэзию, огромную, великую, необходимую, которая бурей врывается в сердца и умы. Рассчитывать на то, что они начнут рыдать от игриво- салонного «Я надыхался властью окопным зельем», было несерьезно.

текст и что эта песня ему уже не нравится.

А потом все кончилось. Мнения после концерта высказывались разные. Один бросил категорично и зло:

— Ерунда и шарлатанство! Другой заметил с раздумьем:

— Несколько песен Окуджавы мне очень нравятся, а на остальные я не обращаю внимания...

А третий сказал не без юмора:

— Самое интересное — то, что происходило у входа. А все остальное — так... ничего себе...

А почему же все-таки свалка у входа? Где же тайные пружины, которые заставили весьма культурных людей столь неприлично шуметь у узкую дверь? Кажется, их несколько.

Судьбы поэтов складываются по-разному. Поэтическая биография того Окуджавы, которого мы видели на творческом вечере, складывалась в обстановке полного, гробового молчания критиков, искусствоведов и даже просто литераторов. Одни не принимали его всерьез, другие считали «слишком необычным». Сейчас об этом можно только пожелать.

Говорить об Окуджаве и о том, что он пишет, действительно очень сложно. Здесь не обойдешься какой-то единой оценкой. И поэтому хочется поговорить об Окуджаве в частности и об Окуджаве в целом.

Вначале — «в частности». Все написанное здесь ни в коем случае нельзя рассматривать как попытку лишить его почетного звания поэта. У него есть хорошие стихи. Есть и настоящие песни, необычные и лиричные: «Веселый барабанщик», «О последнем троллейбусе», «О Леньке Короле», «О бумажном солдате», «Дежурный по апрелю». Они привлекают своей образностью, не похожестыю на то, что мы слышали раньше, глубокой душевностью, интимностью в хорошем смысле этого слова. Но волею названных обстоятельств песни стали «запретным плодом», пошли перематываться с магнитофона на магнитофон, а за ними потянулось такое количество поэтического мусора и хлама, его же ты, Господи, видишь. Творчество Окуджавы «в целом» отделяется от того, что «в частности», как день от ночи. О какой-либо требовательности поэта к самому себе говорить не представляется возможным. Билинный поэт, звон стиха «крепких» символистов, сиюминутные салонных поэтов, рубленый ритм раннего футуризма, тоска кабацкая, приемы фольклора — здесь перемешалось все подряд. Добавьте к этому добрую толику любви, портянок и пшенной каши, диковинных «нутряных» ассоциаций, метания туда и обратно, «правды-матки» — и рецепт стихов готов. Как в своеобразной поэтической лавочке: товар есть на любой вкус, бери, что нравится, может, прихватишь и что сбоку висит.

И берут. Не все читали Надсона, Северянина, Хлебникова, многих других. Не все, к сожалению, отличают золото от того, что блестит, манеру от манерности, оригинальность от оригинальности.

Дело тут не в одной пестроте, царящей в творческой лаборатории Окуджавы. Есть беда более злая. Это его стремление и, пожалуй, умение бередить раны и ранки человеческой души, выски-

вать в ней крупницы ущербного, слабого, неудовлетворенного. «Что такое душа? — позванивает на струнах поэт. — Человек задумчивый...» Что ж, жизнь прожить — не поле перейти, у многих из нас лежат на сердце зарубки. Позволительно ли Окуджаве сегодня спекулировать на этом? Думается, нет! И куда он зовет? Никуда. «Когда почувствуешь недомоганье рук, купи в отделе игр пугач, мой друг...» Эта глупейшая басня под названием «Старомодные стихи», являющиеся кратким руководством для пользования пугачом, кокетливо повествовавшая о безопасной игре в самоубийство, — безобразный гимн человеческой слабости.

Часто говорят о «подтексте» стихов Окуджавы. Подтекст — он нынче в моде. И это обстоятельство позволяет под хорошим поэтом протаскивать всякий брак и «слабодушную отраву». Вот три произведения подряд: «Ког-

дально. И раздается не всегда верный звон гитары московского поэта. Что гре- ха тайть, смущает этот звон и зеленую молодежь, и любителей «кисельного», людей эстетствующих и пресыщенных. Тянутся за этим всякая тина и муть, скандальная слава и низкопробный ажиотаж.

Не всам намеренка помра- чится тон этой статьи. Но она писалась не холодным академическим пером. Хотелось назвать вещи своими именами, так, как они есть. Вызывает поэт Булат Окуджава «в целом» искреннее возмущение. Талант, пусть большой или маленький, штука ценная. Жаль, когда он идет на распыл, на кокетство, на удовлетворение страстей невысокого класса.

Куда пойдет поэт дальше? Туда, где «в грамм добыча, в год труды»? Или «сшибать аплодисменты за оригинальность на очередном «капустнике»? Давать ему мен-

"Мне неинтересна суета и злоба"

32 года спустя

— Булат Шалвович, с момента публикации статьи прошло 32 года. Вы помните тот день, 5 декабря 1961 года? Какие чувства она вызвала тогда?

— Да, конечно, помню тот день. Потому что до этого пресса на меня не обращала никакого внимания. И тут вдруг сразу такой скандальный материал. С одной стороны, я был, конечно, обескуражен и обижен даже, а с другой — статья надела много шума. В этом была своя прелесть. Тем более что статья — такая глупая.

— Но в шоковое состояние она вас не повергла?

— Нет, конечно, настроение скорее веселое было. Ведь первая публикация! Посыпались какие-то знакомства на этой почве.

— Спешили вас поддержи- вать, ободришь?

— Да, именно так... Пони- мающие люди смеялись над

Думаю, что «Комсомольская правда» тоже получила задание от Павлова. Потом прошло очень много лет, и все страсти вокруг меня ути- хли. Но тут со мной произо- шла интересная история. Од- нажды я приехал в Берлин, выступил, а на концерте был собор «Правды» в Берлине Юрий Воронов. Ему очень все понравилось, и он при- гласил меня к себе домой. Он жил в Берлине с семьей. Мы ужинали, все было прекрас- но, хорошие, радужные люди, помню, заговорили о прошлом. Вспомнили про эту статью. И вдруг я вижу, что Юрий покраснел. Я сначала не придал этому значения, а через несколько минут выяс- нилось, что он был в то время редактором «Комсо- мольки». Оказывается, он, меня в 61-м не знал, ему пока- зались...

— А что вы пели на том первом своем публичном кон- церте в Ленинграде?

— «Ваньку Морозова», «Комиссаров в пыльных шле- мах», «Последний троллей- бус», «Девочка плачет, шарик улетел». Пел то, что у ме- ня было... Люди, конечно...

— А пересказали ли по- том ваши пути с Лисочки- ным?

— Нет, я вообще не видел его ни разу...

— Булат Шалвович, прошло более 30 лет со дня «шумно- го успеха», и вот сейчас, те- перь уже в «Независимой га- зете», с других позиций, но не менее хлестко судят поэта Окуджава... Вы читали Гал- ковского?

— Я не читал, но мне рас- сказывали. Я не придаю сей- час значения этому выступле- нию Галковского. Я уже стар- рый человек, я хорошо знаю историю русской литературы и знаю, как новые поколения еще несостоявшихся людей всегда торопятся занять «кре- сла» предшественников, как они суеются при этом. Вот яркий пример: приход Мая- ковского и футуристы, кото- рые сбрасывали собратьев по перу с «корабля современно- сти».

— Мне кажется, они дела- ли это более артистично, что ли...

— Нисколько не артистич- но. Прочитайте блистательную книгу Юрия Корчаковского, он такое там говорит о Мая- ковском... Вам станет все яс- но. Это явление естественное. Так было и во времена Тур- генева, вспомните Базарова! Это обычный конфликт отцов и детей. Правда, когда при- шли мы, шестидесятники, у нас не было такого осязае- мого желания сбросить своих поэтических предшественни- ков — Светлова, Кирсанова, Антокольского. Мы с ними дружили... Хотя многое в их работах мы не принимали. Многое нам было чуждо и не- интересно. Но злобы не было. Злость идет от комплекса не- полноценности. Чем он боль- ше, тем больше желания эпата- зировать общество, скандаль- но заявить о себе. Ничего другого в публикациях Гал- ковского я не вижу.

— А вы читали что-нибудь у Галковского?

— Он написал громадный роман. Я читал. Это все очень претенциозно и, на мой взгляд, неинтересно. Я не отрицаю его литературного дарования, он — человек зна- ющий. Но мне непонятна при- рода его злобы, сугубой спешки. И мне это неинте- ресно и обсуждать эту тему не хочется. Я не считаю себя совершенством, никем не считаю, можно сказать, я все еще учусь... Я тут увидел не- давно Галковского по телеви- зору: внешне — типичный мо- лодой Троцкий. Я повторюсь: мне все это неинтересно...

да метель ревет, как зверь... «Тупа славится прыжками, лбебди — пу- хом...» и «Вся земля, вся планета сплошное тупа...» с заключительными строчками: «Как же можно сюда, когда надо туда?» Невооруженным глазом видна здесь тенден- ция уйти в сплошной под- текст», возвести в канон бессмыслицу. А вот и ее во- инствующий образчик — «Песня о голубом шарике»:

Девочка плачет, Шарик улетел, Ее утешают, А шарик летит...

Во втором четверостишии плачет девушка, потому что жениха все нет, в третьем — женщина, от которой муж ушел к другой, в четвертом — старуха, ибо мало прожи- ла. И вот тут-то шарик воз- вращается, а он голубой! Са- поги всмятку, да и только!

Чешут затылки даже самые «смелые» поклонники Окуд- жавы. «Зато, — говорят, — необыкновенно. Так больше никто не пишет!» Обрисов то, что бессмыслица может представлять определенный интерес, и согласился с этой точкой зрения. Да, не пи- шет... А необычное привле-

торские советы, конечно, не хочется. Дело совести поэта, что именно выносить на суд общества. И, разумеется, не только дело, но и обязан- ность общественности да- вать спокойную и точную оценку его творчеству. В этом смысле Дворец ис- кусств оказал плохую услу- гу поэту, устроив этот ве- чер.

В остальном — воспомина- ется сборник стихов Окуд- жавы «Острова», вышедший два года назад. Были в нем хорошие поэтические наход- ки. Был и такой стих:

Пароход попроцается басом, и пойдёт волной его качать... В жизни я наошибался. Не пора ли кончать? Вот я опять собираю пожитки И... опять совершаю ошибки.

Хорошо было бы этот стих закончить на две строч- ки раньше.

И. ЛИСОЧКИН. Газета «Смена» (г. Ленинград).

уровнем статьи, а непонимаю- щим было все равно, кто я, что я...

— А как складывалась ва- ша жизнь до «шумного ус- пеха»?

— Я тихонечко пел свои песни... Но дело в том, что тот мой концерт в Ленингра- де был первым публичным вы- ступлением. Все хлынуло... Много было знаменитостей, Товстоногов, например.

— Почему именно в ленин- градской газете «Смена» по- явилась статья?

— Понимаете, как это было... Тогдашний ЦК комсомо- ла решил со мной бороться, и Павлов — «румяный» комсо- мольский вождь, как на- зывал его Евтушенко, пору- чил «Смене» написать о том концерте. Но никто из его со- трудников не соглашался. Все отказались. Кроме одно- го. Самого большого моего поклонника — Лисочкина. У него были все мои записи на магнитной ленте. Мне об этом рассказывали сами со- трудники газеты. А сразу после той статьи он пошел на повышение, стал замести- телем редактора «Ленинград- ской правды». А потом эта статья была перепечатана «Комсомолкой».

— А почему?

Беседавала Татьяна ГЛИНКА. Фото Олега КОСОВА.